

Около полудня Шам Аз с семьёй и в сопровождении Дейана вышли из дома на улицу, чтобы присоединиться к празднованию одного из главных торжеств на юге — Фай Сародэр. Странник наблюдал как сотни людей точно также покинули свои жилища и с улыбкой на лицах поздравляли друг друга с ещё одним чудесным годом, что даровал им Всевышний.

Вместе с Сихтами он шёл в сторону главной площади, с изумлением рассматривая беззаботные толпы жителей, что шли в том же направлении. В их глазах читался страх, а некоторые так и вовсе не могли сдерживать слёз, поддавшись эмоциям. Но, несмотря на это, они продолжали излучать тепло и доброту, одаряя всех вокруг улыбками, даже сквозь слёзы.

Также вели себя и Шам Аз с Ормейей, и лишь одна Немира держалась скромнее всех, изредка поглядывая на Дейана. Он старался избегать её взгляда, чтобы не смущать девушку и не распалать в ней лишние чувства.

Когда они достигли главной площади, на которой собралось довольно много народу, Шам Аз крепко ударил по плечу странника.

— Ступай прямо на север и не заблудишься. Дорога к воротам отсюда ведёт только одна.

Дейан подтянул заплечный мешок вместе с лямкой от ножен чёрного меча, а затем протянул руку трактирщику.

— Я...

— И я тебе тоже, Дейан, — весело закончил за него Шам Аз.

Они обменялись крепким рукопожатием, а затем к облачённому в чёрный плащ мужчине подошла Ормейа.

— В дороге проголодаешься, — она протянула страннику небольшой свёрток, источающий приятный аромат. — Я рада, что этот добряк привёл тебя и наставил на правильный путь. Уж не знаю, что ему там нашептали пророки, но это явно было лучше, чем в прошлый раз с той козой.

Её супруг откашлялся, а сама женщина похлопала по ладони Дейана, что лежала поверх подаренного свёртка.

Последней к Дейану подошла Немира.

— Я хотела бы вручить тебе наш фирменный пирог, но...

Внутри девушки бушевал ураган эмоций, который она никак не могла утихомирить. Вместо продолжения фразы она лишь крепко обняла странника, а тот аккуратно обхватил её правой рукой в ответ.

Шам Аз потупил взгляд, а глаза Ормейи вдруг стали влажными. Когда Немира отстранилась, то продолжала разглядывать резвые молнии, что плясали в глазах странника. Под конец Дейан низко поклонился всему семейству, получив такой же поклон в ответ. Затем он развернулся и пошёл в сторону северных врат, попутно рассматривая радостных жителей Дарсиды, коим сегодня грозила неминуемая гибель.

Чем дальше он ступал, тем сильнее поражался их силе воли. Вместе с ним в сторону выхода из города двигалось ещё около двух десятков человек. Не многие в этот день положились на

доводы разума и отринули веления сердца. И никто из жителей не заметил отсутствия на празднике верховного жреца, за исключением разве что служащих храма.

Выйдя с площади, Дейан отправился дальше по широкой улице. Людей на ней было чуть ли не больше, чем у храма. И все они точно также весело, но в тоже время с ноткой печали, поздравляли всех своих соседей. Тех, кто решил покинуть город, не одаряли презрительными взглядами, проклятиями, и не проявляли к ним любого другого неуважения. Их провожали лёгким кивком понимания, попутно желая удачи, и чтобы Всевышний наставил их на нужный путь.

Возле одного из домов Дейан увидел маленькую девочку, что подарила его незрячему знакомому свой цветок. Она с улыбкой бегала по улице, пока её мать умиляющимся взором и со слезами наблюдала за дочерью. Девочка поздравляла всех своих соседей и тех, кто шёл к воротам. Пожалуй, она была одной из немногих, кто не знал об огромной армии, что собиралась сегодня захватить Дарсиду. А может, просто была слишком мала, чтобы понять смысл этого события.

Странник представил какая участь ожидала малютку, когда солдатам наскучит забавляться с её матерью. Не в силах остановить поток дурных мыслей, он подумал о семье Шам Аза, чьё будущее было не менее мрачным. Когда в его сознании всплыло лицо Немиры, он тут же взял себя в руки, прогоняя наваждение из головы, и продолжил путь.

Он остановился прямо посреди северных врат, вокруг которых было разбросано оружие стражников, и решил в последний раз взглянуть на радостные и полные жизни улицы Дарсиды. На его обычно непроницаемом лице теперь отчётливо читалась печаль от того, что сегодня из-за религии должно погибнуть столько людей. И всё это, чтобы доказать её бессмысленность.

Он уже поворачивал голову обратно на север, как вдруг возле стены показался знакомый узор. Дейан подошёл поближе и увидел небольшую лакированную глиняную урну с двумя полосками и символами на них. Он наклонился и подобрал находку, закрыв глаза и погружаясь в далёкие воспоминания.

Когда он снова повернулся в сторону города, яркие молнии ударили в его суженные зрачки, освещая тёмную душу странника голубым светом.

Закончив общее празднование, Шам Аз с семьёй вернулись назад в таверну. Толстячок первым вошёл внутрь и задумчиво встал возле ближайшего стола, всматриваясь в знакомый глиняный сосуд на нём. Он опустил в урну руку, проводя пальцами по внутренней стороне стенок, а затем поднёс к лицу испачканную в пепле ладонь.

— Что это, сарим? — спросила Немира.

Шам Аз задумчиво ответил:

— Это выбор. Выбор, который делает каждый из нас, глядя в лицо смерти.

И Ормейа, и Немира непонимающе смотрели на главу семейства, а тот лишь повернулся в сторону южных врат, глубоко вздыхая.

Немира сидела на краю постеленного на земле плаща, придвинув колени к груди. Костёр давно погас, а солнце ещё не показалось из-за горизонта, поэтому девушка пребывала в темноте, погружённая в свои мысли.

Небо на востоке начало светлеть, когда Дейан, наконец, проснулся и присел, разглядывая спину девушки. Она периодически вздрагивала, даже несмотря на то, что была закутана в свою накидку. Эта ночь была гораздо холодней, чем другие.

Дейан уселся рядом с Немирой, обхватив её за плечи и пытаясь согреть. Его оголённый торс, испещрённый десятками шрамов, был на удивление тёплым. Это заставило девушку слегка улыбнуться.

— Я не хочу возвращаться назад, — тихо прошептала она. — Лучше встретить свой конец здесь, рядом с тобой.

Дейан взглянул на невысокие дома Дарсиды, что в слабом разгорающемся свете выглядели давно заброшенными, и также тихо произнёс:

— Ты всё ещё можешь уйти из города.

Немира обернулась.

— И бросить родителей здесь и тебя вместе с ними? Какая жизнь меня будет ждать после этого? В вечном сожалении, в кошмаре, что будет преследовать меня даже днём.

Дейан молчал. Он понимал девушку как никто другой и даже был рад тому, что она отказалась. Простить себя после такого было под силу немногим.

Уже много лет прошло с событий на той горе, а он до сих пор мучился от содеянного. И ещё больше корил себя за то, что сохранил страницы той книги. Но, возможно, сегодня настал его час расплаты, и он заслужит долгожданное прощение.

— Мне нужна будет твоя помощь.

Немира слегка отстранилась, готовая выслушать следующие слова. Дейан потянулся к своей котомке и вытащил из него тёмно-синий куб. Он повернул его нужным символом кверху, а затем сказал:

— Дорсэй рахт эмпани шаору дху.

Стенка куба разошлась в стороны, и странник скинул себе на ладонь сложенный в несколько раз кусочек плотной бумаги и серебристую металлическую флягу.

— Нанеси все символы на моё тело, как указано на листке, а потом возвращайся к родителям.

— Но я... — Немира уже хотела вскинуться, но остановилась под сверкающим, в самом прямом смысле слова, взглядом Дейана.

— Ты не должна увидеть то, что будет происходить дальше. И я не хотел бы, чтобы ты погибла от моей руки.

Этот спокойный и в тоже время пробирающий до самого нутра голос настолько сильно врезался в душу, что испуганная девушка даже не решилась противиться. Она приняла в руки сложенный лист и развернула его. На нём был изображён силуэт человека, на разных участках

тела которого были нанесены неизвестные Немире руны.

Абсолютно нагой Дейан поднялся на ноги и пальцами указал на фляжку. Дочка трактирщика поначалу чуть не покраснелась, но быстро взяла себя в руки, вспомнив об их близости этой ночью. Она слегка перевернула открытый сосуд, и на её пальцы вылилась густая тёмно-красная кровь. На её лице не было и намёка на испуг, она лишь взглянула на Дейана, получив в ответ только слабый кивок, а затем начала наносить первый символ на верхнюю часть его стопы.

Небо начало светлеть. Как только первый символ был завершён, кровь тут же застыла и словно впилась в кожу странника. Девушка поняла, что участвует в каком-то ужасном обряде. И только теперь по её телу стала пробегать дрожь.

Чем больше символов вьедалось в кожу Дейана, тем страшнее становилось Немире. Вскоре её прекрасные голубые глаза заблестели от влаги, а по щекам побежали слёзы. Никто из них не замечал, как вместе с этим небо принялось заполняться кустистыми облаками. Солнце хоть и выглядывало всё сильнее из-за края земли, но ярче от этого не становилось.

Когда осталось нанести последнюю руну на лбу, из-за ворот послышался грозный гул боевых горнов.

Дейан шумно выдохнул и одними глазами попросил завершить обряд. Немира уже не могла сдерживать плача, сильно содрогаясь в приступах, но продолжала наносить последний кровавый знак в промежутках между ними.

Когда она закончила, то просто упала на колени, громко всхлипывая и прикрыв лицо руками. Дейан присел рядом с ней, закрыв флягу. Лист бумаги с рунами был разорван на мелкие кусочки и развеян по ветру, а сам странник раскрыл ладони Немиры, посмотрел на её всё ещё чудесное личико и вытер его большими пальцами.

— А теперь ступай домой. Обними покрепче родителей и помолись за всех людей, что не увидят следующего дня.

Немира хотела ответить хоть что-то, но у неё просто не было сил и подходящих слов. Но Дейану хватило лишь одного печального взгляда в её изумительные очи, чтобы понять всё, что было у девушки на душе. Он искренне улыбнулся, а затем поднял её на ноги, легонько оттолкнув от себя.

Немира сделала пару шагов назад, а затем, всхлипывая, повернулась и побежала домой. Дейан же облачился в свой боевой наряд и уставился на привязанный к ограде чёрный меч, что как будто дрожал в предвкушении предстоящего кровавого пира. К его услугам и раньше прибегали во время жестоких баталлий, но сегодняшний случай был особенным. Сегодня клинок собирался вновь встретиться со своим хозяином и обратить это поле битвы в хаос. Только он не подозревал, что в этот раз игра будет проходить по совсем иным правилам.

Слегка поредевшая армия владыки Санкри-Борум выстроилась в нескольких сотнях метров от города. Великий царь Аравад вместе со своими телохранителями и генералом Абу Манзи встали на вершине одной из дюн, чтобы наблюдать за продвижением своих войск.

Сам Аравад уже наплевал на своё обещание первым войти в Дарсиду, решив разобраться с единственным её защитником самым бесчестным и в тоже время безумным способом.

Присоединяться к шествию, даже в последних рядах, он не пожелал, и Манзи, что за всё утро не проронил ни слова, прекрасно понимал причину. Великий царь боялся. Не смотря на абсолютное преимущество в числе воинов и на, казалось бы, отсутствие хоть какого-то шанса на поражение, по спине неустрашимого сына Шадэра прямо под его сияющей бронёй пробегал неприятный мерзкий холодок.

Небо было затянуто тучами. В засушливых и не щадящих слабых духом землях Марув вот-вот собирался разразиться настоящий ливень.

Аравад поднял руку вверх, а затем резко опустил её, отдав приказ к наступлению. Пронзительные горны протрубили для всей уже не пятитысячной армии команду «вперёд», которая эхом ударилась о первые ряды солдат, после чего всё войско в едином строевом марше двинулось на захват города.

Команда прозвучала не только для армии. Как только раскатистый звук утих, по доспехам людей принялись ударяться первые капли не виданного в этой пустыне уже несколько лет дождя.

— А вот и спасительная вода, которой нам так не хватало, — с усмешкой объявил Аравад.

Манзи продолжал молчать. Лишь задумчиво глядя на проходящих внизу завоевателей.

Приблизившись к воротам, шеренги принялись без команды перестраиваться, вытягиваясь клином и приняв форму острия копья, которое вот-вот вонзится в оголённую плоть города. Лишь один Дейан стоял между ними. Никчёмная маленькая точка на фоне гигантского чёрного орудия. Но он не показывал страха и волнения, лишь сосредоточенно вглядывался вперёд и собирал силы для финальной битвы.

Дождь усилился. Разглядеть что-то с высоты большой дюны было сложно. И это немного волновало Аравада.

Первые воины копьеносцы тем временем приблизились к страннику, выставив своё оружие перед собой. Дейан держал в левой руке саблю за неприкрытое лезвие, а в правой — меч за ножны. Острые металлические жала врагов были всего в паре метров от него, когда странник вдруг резко подкинул свои клинки в воздух и перехватился за рукояти. Чёрный меч тут же принялся забирать его жизненную силу, распространяя по телу противное ощущение. Но это продлилось недолго.

Копейщики перешли на бег, вытягивая древки вперёд, а Дейан рванул на них в ответ, отклонив с десятков копий саблей и мечом пройдясь по шеям атакующих. Не замедляя движения, он принялся кружить между солдатами в завораживающем и смертельном танце, прорубая мечом сквозь защиту людей и разбрызгивая фонтаны крови.

Ряды солдат были довольно плотными, и в образовавшемся месиве из летящих в разные стороны отрубленных конечностей, алых брызг и падающего с неба дождя было трудно увидеть приближающуюся смерть. Последним, что видели убитые в первых рядах, был чёрный, словно ночное небо клинок, с разгорающимися на нём красными жилами. И с каждой новой душой, впитанной этим оружием, жилы сияли всё ярче и ярче.

Чудовищный смерч с двумя клинками двигался из стороны в сторону, не давая зайти к себе со спины. Людям было сложно даже нанести удар по противнику, ибо в попытке избежать смерти, они начинали пятиться и сталкиваться друг с другом, а странник в это время расчленил тех, кто был не так расторопен. Казалось, что его оружие не замечает преград и просто разрубает

броню и клинки воинов, что пытались заблокировать едва уловимые для взора красные блики.

Аравад не мог объять всей картины целиком, но отчётливо видел красные всполохи, что проходились по рядам его армии, оставляя за собой бездыханные тела. Даже шум дождя не мог полностью заглушить десятки предсмертных криков, ежесекундно раздающихся на поле боя.

Абу Манзи прервал молчание, обратившись к своему повелителю:

— Мой Царь...

Аравад, не отрываясь, смотрел на красное зарево, заслонённое пеленой воды, и со свистом выплюнул:

— Уничтожьте его.

Манзи отдал приказ ближайшему горнисту. Послышался одинокий гул, которому вскоре пришли на подмогу ещё с полдюжины.

Чёрный меч Дейана напитался энергией настолько, что вокруг него начало образовываться едва уловимое поле. Вбирая в себя всё больше душ, клинок вскоре покрылся прозрачной оболочкой, подсвечиваемой изнутри алым светом. Капли воды с шипением испарялись при ударе о чёрную сталь, а обречённые солдаты, попавшиеся на её пути, словно масло, разрезанное горячим ножом, рассыпались на части.

— Лучники, — негромко выдавил Аравад.

— Мой Царь, наши солдаты...

— Мне плевать, — процедил сквозь зубы Аравад, прервав генерала.

Манзи трясущейся рукой приказал открыть огонь.

Из-за плохой видимости и при таком скоплении людей, град стрел обрушился не только на странника, но и на всех, кто был в радиусе трёх метров от него. Немногим счастливицам удалось увидеть, как, продолжая крутиться, Дейан отбивал десятки стрел своими клинками. Часть из снарядов всё же достигла цели, врезавшись в нагрудник или порезав его оголённые руки. Но ни одна из них не смогла хоть сколько серьёзно навредить страннику.

Солдаты принялись отступать, освобождая место для обстрела. Второй команды «пли» не последовало, но в битву вмешались мазары. В Дейана понеслось несколько огненных шаров, а также пара острых блестящих сосулек, впитывавших в себя дождевые капли и увеличивающихся в размере прямо в полёте.

Часть из горящих снарядов была поглощена чёрным мечом. Сосульки же пронесли мимо, вонзившись в землю возле врат, а последний шар огня был отброшен обратно. Он ударился в одного из мазаров, взорвался и лишил жизни сразу троих чародеев.

После этого слабое алое сияние стало исходить и от фигуры мрачного защитника Дарсиды. А сам он, прорезая темноту красным заревом, устремился в атаку.

Его меч теперь убивал касанием своей раскалённой оболочки, похожей на хрусталь в лучах закатного солнца. И эта оболочка ширилась и удлинялась с каждым убитым солдатом. Вскоре

вокруг странника отчётливо стала различима алая броня, от которой в воздух поднимались нескончаемые клубы пара.

Манзи увидел сияющее красным пятно и незамедлительно приказал сделать ещё один залп. Стена из стрел обрушилась на покрытое адской бронёй создание, но все они лишь на несколько сантиметров смогли пройти вглубь, не достав её владельца. Древки снарядов почернели и осыпались, а застрявшие наконечники раскалились добела и начали плавиться, впитываясь в крепчающую броню.

Стопы Дейана перестали касаться земли. Теперь он был обёрнут в огромный трёхметровый доспех, источающий невыносимый жар. Одно лишь прикосновение к нему вызывало сильнейший ожог и могло повергнуть врага в бегство.

Чудовище зашагало к людям, срубая одним ударом почти десятков солдат. И с каждым таким взмахом броня его сияла всё ярче и ярче, приводя в ужас всех, кто осмеливался остаться у твари на пути.

Манзи беспомощно наблюдал как жуткое существо прорывается сквозь толпы воинов, беспощадно раскидывая их обожжённые останки. Он перевёл испуганный взгляд на Аравада и громко закричал:

— Мой Царь, нужно отступить!

Аравад заворожённо смотрел на посланника преисподней. Он был поражён им и в тоже время до смерти напуган. Ещё ни разу в жизни он не видел такого могущества, способного повергнуть в прах целые армии. И он не смел отвести от него взгляда, продолжая пялиться на чудовищный шлем с длинными загнутыми назад рогами.

— Аравад, прикажи людям отступить! — снова прорычал Абу Манзи, но ответа всё также не последовало.

Демон продолжал прорываться сквозь ряды людей, уничтожая всё живое на своём пути.

Старый генерал схватился за свой меч. Он смотрел то на своего Царя, застывшего на месте, то на монстра, вырезающего сотни его людей. В один момент в глазах седого воина отразилось гневное и ясное решение. Он освободил свой клинок от ножен и уже собирался сразить своего повелителя, как вдруг алый сияющий демон остановился.

Человек внутри него закричал, высвобождая из себя похожую на чёрный дым сущность. Сквозь редкие прозрачные пятна доспехов можно было увидеть, как нутро монстра заполняется тьмой. Броня начала трескаться. Демон поднял свой длинный кровавый меч к небу, перевернул его лезвием вниз, а затем, ухватившись двумя руками за рукоять, со всей силой вонзил в землю.

В этот момент произошёл взрыв. Сильнейшая взрывная волна раскидала всех людей от себя, пройдясь по всему полю битвы и образовав большой купол со стенками из кипящей воды. Телохранители Аравада успели поднять защиту, но её оказалось недостаточно. Вместе с оглушительной ударной волной вокруг раскидало осколки раскалённой брони. Они прожигали всё, что попадалось у них на пути, превращая людей и зверей в пепел. Один с кусков прорвался сквозь силовое поле и испепелил одного из стражей. Всё, что осталось от бедняги, так это две ноги, обрубленные чуть ниже колена, что почти сразу же унесло взрывной волной. Отбросило также и Аравада с генералом.

Абу Манзи потребовалась почти минута, чтобы прийти в себя. Дождь утратил свою силу, одаряя землю лишь маленькими редкими каплями. Когда генерал смог подняться на ноги, и вернуться на верхушку дюны, то узрел невероятное по своей красоте и ужасу зрелище. В паре сотен метров от врат Дарсиды виднелось большое застывшее чёрное пятно из остывающего стекла. От него в стороны расходились такие же высокие стеклянные волны, что под силой притяжения опадали и превращались в жуткие чёрные изваяния.

Сотни людей копошились на земле, пытаясь привести себя в чувства. Но Абу Манзи сейчас волновал только один человек.

Аравада нигде не было видно. Встряхнув головой, старый воин ещё раз присмотрелся к тому, что осталось от огромного войска и смог, наконец, приметить золотую сверкающую фигуру, движущуюся к вратам. Он последовал за ней.

Спустившись с дюны, Манзи увидел шевелящуюся руку, что торчала из-под кучи наваленных друг на друга тел. Он схватился за ладонь бойца и вытянул того наружу. Одетый во всё чёрное низкорослый мужчина со множеством шрамов на лице принялся жадно глотать воздух.

— Помоги остальным, — скомандовал генерал.

Он посмотрел в глаза счастливого и повторил приказ, но тот никак не отреагировал. Манзи пощёлкал пальцами перед лицом мужчины и понял, что тот сильно контужен. Он оставил раненого на месте и продолжил прежний путь.

Приближаясь к центру взрыва, Абу Манзи приметил знакомое лицо. Каралл Санкри пытался помочь своим воинам, вытаскивая их из-под кусков уже остывшего стекла или останков других людей. В половине случаев он доставал лишь их конечности, что ещё продолжали дымиться после столкновения с обломками брони.

— Аравад! Ты видел Аравада? — громко крикнул генерал прямо возле хажа.

Тот обернулся и также громко заорал:

— Он пошёл к вратам! Туда! — рука Каралла указала направление.

Взгляды мужчин пересеклись, и Каралл увидел в глазах старого мужчины с обожжённым лицом то, что уже давно крылось и в его собственной душе. Хаж скинул с головы уцелевшую половину тюрбана, взъерошив спаленные волосы и обнажая покрасневшую кожу на макушке, а затем оба воина пошли вслед за своим царём.

Они обошли большое чёрное озеро, что продолжало двигаться, не приняв окончательной формы. Едва различимая на его тёмном фоне рукоять меча почти полностью скрылась в глубине оплавленного стекла, но до сих пор продолжала сиять алым зловещим светом.

По дороге к мужчинам присоединился последний королевский страж, что также приметил сияющую спину своего господина. Вскоре вся троица оказалась перед вратами Дарсиды, встав возле своего царя. Тот поглядывал на две башни, что слегка пострадали при взрыве, а также на пустынную улицу впереди, приглашавшую победителей войти внутрь.

Прямо у самих врат в песке закопошилась почерневшая человеческая фигура. Она с трудом смогла встать на четвереньки, вгрызаясь пальцами в песок и оставляя на нём борозды. Лишь присмотревшись в этой бледной тени можно было бы узнать легендарного Ашгара, того, что в одиночку решился оборонять город от многочисленной армии.

Каралл и Манзи переглянулись. Оба они сжимали рукояти на поясе и готовы были закончить этот поход, но голос старого генерала оборвал их задумку.

— Мой Царь, — уверенно начал Манзи, — Врата Дарсиды не пересёк ещё ни один воин, — он провёл рукой в направлении города, указывая, что там нет ни одного тела. — Вы всё ещё можете сдержать своё слово.

Каралл только крепче сжал своё оружие. Он не верил своим ушам, что уже отошли после взрыва, и с яростью пронзал своим взглядом струсившего генерала.

Аравад же с усмешкой заявил:

— И с гордостью вручить его богатства своим людям.

Он двинулся вперёд, взмахом руки остановив своего стража на месте, и медленно приблизился к обожжённому Дейану. Странник пересилил себя и смог оттолкнуться руками, встав на песок, будучи на коленях. Его тело дымилось, словно до сих пор не могло остыть. Броня на груди местами оплавилась, обнажая чёрную кожу, а запах вблизи него вызывал рвотные позывы. Голову Дейан поднять не мог, устало глядя перед собой в песок.

Аравад обнажил свою саблю, остриём приподняв подбородок поверженного врага. В этот момент из-за башни показалась Немира, вскинувшая лук в направлении великого царя.

— Не смей к нему прикасаться, — еле справляясь с прерывистым дыханием, выпалила девушка.

Аравад посмотрел в её сторону, словно на муху, что мешала ему насладиться трапезой.

— Или что? Ты убьёшь меня? И нарушишь священную традицию не поднимать руки на создание Всевышнего в этот ваш великий праздник?

Руки Немиры тряслись, но отнюдь не от натяжения тетивы, смазанной магической мазью. Её голубые глаза сияли двумя яркими огоньками, что прорывались сквозь тьму этого мрачного утра. Она с полминуты стояла с поднятым оружием, а затем выронила его из рук и припала на колени. Слезы заполнили её глаза, пока она со всхлипами смотрела на покалеченное тело Дейана.

— Как я и думал. Пока вы все стоите на старых и глупых традициях, то будете всегда слабы.

Аравад перевёл взгляд на лицо дарсидского цепного пса, но глаза странника были закрыты. Великий царь сделал замах, намереваясь отсечь голову легендарному Ашгару, но его вновь прервал голос рыдающей девушки.

— Не надо. Прошу!

Аравад посмотрел на неё со злобной ухмылкой, а затем повернулся к Дейану. Два бездонных колодца со сверкающими внутри него молниями открылись его взору. Правая рука странника со сжатым кулаком, покрытым слоем влажного песка, была поднята перед ним. Пересиливая боль, Дейан произнёс обугленными губами:

— Добро пожаловать в Дарсиду.

Его средний палец отщёлкнул от большого и вытянулся вверх. С ногтя соскочил сверкающий

металлический стержень и ударился о золотистый нагрудник Аравада. Разряд молнии с лёгкостью прошёл через металл и промокшую рубашку в тело, а затем ускользнул в землю.

Трое мужей позади увидели лишь яркую вспышку, а секундой позже тело их повелителя свалилось на песок.

Шокированный страж подбежал к Араваду, бросив по пути свой посох, и принялся ощупывать шею дымящегося владыки Санкри-Борум. Он смотрел на его заплывшие кровью глаза и спустя какое-то время повернулся к Абу Манзи и Караллу. По напуганному взгляду молодого парня они поняли, что великий царь скончался.

Немира со всех ног понеслась к Дейану и припала на землю, приобняв его. Она отстранилась, когда с его плеч начали осыпаться чёрные слои кожи, и принялась бормотать слова, которых было не разобрать. Девушка не обращала внимания на остальных мужчин.

— Что прикажете делать, мой Царь? — спросил твёрдым голосом Абу Манзи.

Каралл Санкри протяжно выдохнул, а затем отдал своё первое распоряжение:

— Нужно собрать всех выживших и позаботиться о раненных. Разобьём лагерь возле города и пошлём в Дарсиду посла с извинениями и просьбой о помощи. Надеюсь, они не откажут нам во имя Всевышнего и священного праздника Фай Сародэр.

Абу Манзи кивнул и поспешил с другим вопросом:

— Что делать с ним? — генерал указал на Дейана.

Лицо Каралла было мрачным, но вскоре просветлело и приняло почти благоговейный вид.

— Рискнёт ли кто из нас коснуться десницы божьей...

Все трое мужчин, включая стража, низко поклонились страннику, что с трудом удерживался, стоя на коленях.

После этого Манзи указал стражу на тело Аравада и вместе с Караллом ушёл в направлении раскиданной по полю битвы наполовину уничтоженной армии. Страж закинул тело мёртвого царя на плечо и отправился следом за своим новым повелителем.

Немира хотела помочь страннику, пытаясь обхватить и оттащить его в сторону. Она не переставала неразборчиво лепетать, пока Дейан не сказал очень тихим голосом, уже лишённым былой силы:

— Иди в город... Передай, что всё кончилось...

— Я не брошу тебя здесь. Я не...

— Ступай, — чуть громче потребовал странник.

Всхлипывая и вытирая слёзы, девушка повиновалась. Она чуть ли не с обидой поглядела на Дейана, а затем понеслась вдоль улицы, стуча в окна и двери, крича об окончании осады, и том, что всё закончилось.

Люди стали выходить из домов не сразу, с опаской осматриваясь сквозь приоткрытые двери. Но вскоре первые из них показались на улице, вопрошая то ли у соседей, то ли у самих небес, что

же всё-таки произошло. Даже Шам Аз с Ормейей выбрались из таверны, с недоумением и шоком взирая на свою дочь.

Никто из людей не обращал внимания на обугленного человека и фигуру в чёрном плаще с золотисто-красным шнурком вокруг шеи, что встала перед ним.

Послышался тихий всхлип, который лишь отдалённо можно было принять за смех, а затем Дейан спросил:

— Рецепт, ты, навряд ли поделишься?

Человек в чёрном снял капюшон.

— Дочь трактирщика действительно делает бесподобный пирог, — загадочно улыбаясь, ответила Иммаренна.

После очередного всхлипа Дейан спросил:

— Что теперь будет с Дарсидой?

— Его жителей ещё долго никто не тронет. Легенда о том, что Всевышний сделал с богохульным Царём будет передаваться из поколения в поколение, также, как и сказание о его посланнике с севера.

Странник шумно выдохнул:

— Не люблю быть пешкой... Но раз уж они останутся живы...

Иммаренна присела, посмотрев прямо в искалеченное лицо Дейана.

— Ты видишь только их спасённые души, а я вижу здесь ещё одну.

Изо рта мужчины потекла маленькая струйка крови. Иммаренна встала и сказала, напоследок одарив Дейана своей загадочной улыбкой:

— Прощай, Дейан, легендарный мессари с севера.

Она повернулась и медленно пошла в сторону чёрного озера, от которого расходились десятки чёрных волн застывшего стекла.

С трудом сдерживая хрипы, странник ответил:

— Прощай, Пророк.

Иммаренна остановилась и повернула голову. Дейан не мог разглядеть её лица, но и так знал, что увидел бы на нём.

Когда фигура женщины в чёрном плаще смешалась с причудливыми чёрными изваяниями и волнами вдаль, странник упал на песок. В тот момент, когда светящаяся от счастья Немира уже бежала назад к Дейану, единственному человеку, что вышел на защиту легендарных врат Дарсиды.